

— Во имя всего низменного и нечестивого, можем мы, пожалуйста, уже просто убить этого ублюдка?

Честно говоря, я видел гораздо худшие примеры установления дипломатических отношений. Правда, все эти примеры исходили исключительно от моего отца и обычно заканчивались небольшим геноцидом.

Я напрягся, собираясь высказаться, но вспомнил предупреждение Неттари и посмотрел в ее сторону. Как будто щелкнул переключатель. Неттари не смотрела на меня. Она смотрела на трех председателей Совета, и это действительно работало.

— Видите это? — Ее голос был резким и звонким. — Вот почему я хотела, чтобы суд состоялся. Каким бы ни был сегодняшний результат, думаю, спустя месяц наконец-то появятся подвижки.

У Ралакоса был вид и телосложение рыцаря, похожего на некоторых ушедших в отставку мужчин, которых мой отец держал рядом в качестве советников. Он заговорил глубоким гулким баритоном. — Действительно. Последние два заседания ты только и делал, что упирался, Гемон. Если не можешь внести свой вклад, то будь добр уйти, и пусть Тауп заменит тебя.

— О, тебе бы это понравилось, не так ли? Старый ублюдок, — вклинилась Эфира.

Ее нос был слегка приплюснут на конце, что придавало женщине начитанный вид. — Независимо от того, кто прав, это становится утомительным. Каждый момент, отвлекающий меня от работы, стоит нам золота. Давайте попробуем закончить это как можно быстрее.

Шестеренки в моей голове начали вращаться. Дело складывалось скверно. По моему ограниченному опыту, худшие решения в политике принимались, когда критически важные стороны были либо истощены, либо торопились. А в совете было и то, и другое. Они не злились друг на друга, а просто устали. Необходимо было увеличить пропасть между ними, втянуть в противостояние. Иначе конфликт закончится, как только Эфира склонится в ту или иную сторону.

А с Эфирой было что-то не так.

Я не мог уловить это. Было что-то в том, как ее губы искривились в едва заметной ухмылке, когда она сказала, что теряет деньги.

Проклятье. Информации явно не хватает. Неважно. Буду импровизировать. Мне нужен был рассказ, но какой?

— Давайте послушаем нашего гостя. Принц Кэрн, пожалуйста, выйдите вперед, — сказал Ралакос.

Надев маску благородного, я плавно прошел вперед, встав прямо в центре комнаты и поклонился, как учила меня Неттари. — Приветствую вас, мастер Ралакос, мастер Гемон и мастер Эфира. — Я сделал тонкий акцент на последнем имени. Порядок тоже был намеренным. Возможно, вы знаете об этом, но самые важные части списка — первая и последняя. Вот почему, когда вы пытаетесь запомнить что-то в хронологическом порядке, наиболее сложной оказывается середина. С первой же фразы я стал оскорблять Гемона.

Выражение лица Эфиры слегка изменилось, слишком неуловимо, чтобы прочесть, но на мгновение она стала более сосредоточенной на мне, чем мгновение назад.

— Во-первых, я хочу поблагодарить вас за спасение моей жизни. Пусть вы и не действовали напрямую, но благодаря вашему милосердию я до сих пор дышу. — Я еще раз поклонился, как и положено в знак благодарности.

— Пожалуйста. — Гемон закатил глаза, и с силой опустил кулак на пюпитр. — Разве он не должен быть на смертном одре? А теперь встал и ходит как ни в чем не бывало?

Я улыбнулся, мое лицо все еще было скрыто бантом. Гемон прервал меня на середине моего выступления. Поэтому, как и положено по inferнальному обычаю, я полностью проигнорировал его и продолжил.

— Я хочу особо поблагодарить вас, мастер Ралакос, — продолжил я.

Уголкем глаза я заметил, как лицо Гемона покраснело, когда он понял, почему я в свою очередь проигнорировал его.

— О? — сказал Ралакос, забавляясь. — И что же я сделал, чтобы заслужить такую благодарность?

— Когда я прибыл сюда, моя одежда была в плачевном состоянии. Благодаря вашей щедрости я могу предстать перед этим судом в одежде, подобающей этому месту. — Я сделал размашистый жест в сторону своей мантии. — За это я благодарю вас.

— Это меньшее, что я мог сделать для прибывшего дипломата. — Ралакос кивнул. Я решил не упоминать о его лоббировании моего освобождения — неважно, в каком суде вы находитесь: никому не нравится открыто предвзятый арбитр. Гемон фыркнул, когда я вернулся к Неттари. Уголок ее рта слегка дернулся вверх.

Руки Эфиры были скрещены. Она постучала двумя пальцами по своему левому боку. — Хотя мой уважаемый коллега, — она бросила взгляд на Гемона, — похоже, забыл о правилах совета, мне интересно услышать ответ на его вопрос. Нам сказали, что состояние принца тяжелое.

Неттари шагнула вперед. — Так и есть, мастер Эфира. Это подтверждают лекарь и жрецы.

— И все же, он здесь. Представлен с таким блеском и обстоятельствами. Как будто вообще не был ранен, — добавил Гемон.

— Вы обесцениваете качество услуг, оказываемых церковью, мастер Гемон? — спросила Неттари, выгнув бровь. — Сочетание их превосходного ухода и природной стойкости Кэрна сделало возможным столь своевременное выздоровление.

Эфира постучала тремя пальцами по своей руке.

После минутного молчания Ралакос прочистил горло. — Да, Кэрн, возможно, было бы неплохо услышать подробности вашего выздоровления.

Я посмотрел на Неттари, и она слегка склонила голову в сторону Гемона. Продолжайте.

На этот раз, как и было предписано ранее, я остался на месте, заложив руки за спину, зеркально повторяя движения поверенной.

— Конечно. Насколько понимаю, успех моего выздоровления был достигнут во многом благодаря мастеру Гемону...

— Что ты разыгрываешь, мальчик? — прошипел Гемон. Тап, тап, тап. Эфира снова постучала тремя пальцами. Есть поговорка о праздных руках. Но я начинал подозревать, что Эфира не бездействует.

Я проигнорировал его, а он выглядел так, словно его лицо могло самопроизвольно загореться, и продолжил обращаться непосредственно к мастеру Ралакосу. — Добрый мастер наблюдал за моим выздоровлением, следя за тем, чтобы я не перенапрягался. Он...

— Он лжет! — вмешался Гемон.

Тап-тап-тап.

Ралакос медленно повернул голову к Гемону. — Если вы еще раз прервете заседание, председатель, я поддержу распоряжение поверенной Неттари, и вы будете изгнаны из совета за неуважительное отношение к процессу.

Гемон опустился в кресло, бормоча что-то враждебное и нечленораздельное.

Я подождал немного, давая Гемону вскипеть, затем продолжил. — Когда я проснулся, мне было трудно двигаться. Я находился в постоянной агонии. Я оказался в простой комнате с черным полом и черными стенами.

Младшие члены совета зароптали.

— Теперь, как вы уже знаете, я называю Уайтфолл своим домом. Мы — бедное в магическом плане общество. У нас есть люминесцентные лампы и редкие маги, но их мало. Таким образом, я очень мало знаю о магии или ее применении. Но могу предположить, что палата для восстановления была связана с магией, поскольку мне больше не нужно было есть и пить. Полагаю, в этом и заключается ее цель — поддерживать стабильное состояние при минимальной необходимости больного двигаться и напрягаться.

Ралакос встал, с холодной яростью в глазах, и наклонился над пюпитром. Этот человек был невероятным актером. Если бы он изначально не подсказывал мне, можно было бы подумать, что он действительно впервые узнал обо всём этом. — Кто-нибудь приходил проведать вас в этой комнате? Чтобы проверить ваше состояние и дать лекарства?

Я удивленно моргнул. — Нет, мастер Ралакос. Полагаю, это было частью восстановительного процесса.

Из толпы раздались вздохи.

Тап-тап-тап.

Гемон выглядел так, словно в любой момент мог перепрыгнуть через пюпитр и задушить меня, но придержал язык.

Ралакос затрясся от ярости и гнева, обращаясь непосредственно к Гемону. — Ты поместил раненого ребенка в камеру мага на несколько недель без права посещения.

— Ему не было больно.

— Так ты признаешь это! — прогремел Ралакос.

— Меры, конечно, крайние, но принц представляет собой неизвестную переменную, — сказала Эфира. Затем она дважды постучала по своей руке.

— Мой долг — поддерживать безопасность анклава, — сказал Гемон. Я небрежно наклонился к Неттари, словно собираясь шепнуть ей на ухо. Что собственно предполагалось. С того места, где стояла Неттари, она не могла видеть неуловимых движений, которые делала Эфира.

Эфира скрестила руки. — Это были долгие недели, и напряжение только нарастало. Думаю, будет лучше сделать небольшой перерыв и вернуться к этому вопросу позже.

Неттари решительно покачала головой, собираясь говорить. Заслонив движение от

посторонних глаз, я потянул ее за халат.

Она посмотрела на меня, моргая. Затем приняла решение. — Очень хорошо. Поскольку наш гость все еще поправляется, перерыв пойдет ему на пользу.

Неттари практически затащила меня в пустой конференц-зал.

— Почему? — спросила она, как только мы оказались внутри, ее голос был яростным. Это была самая сильная эмоция, которую я от нее видел. — Это был критический момент.

— Поверьте мне, я знаю.

Я высунул голову за дверь, чтобы убедиться, что никто не подслушивает, затем вернулся к столу и сел. Затем выругался и снова встал, прошелся по комнате.

— Время ограничено, — медленно произнесла Неттари, как будто говорила с ребенком. Впрочем, технически так оно и было. — Будет лучше, если вы выскажетесь.

— Исход встречи был предрешен еще до того, как мы вошли в зал.

— Что? Что вы имеете в виду?

— Эфира мешкает! — наконец взорвался я, проводя пальцами по волосам. — Она и Гемон заключили сделку, а теперь они просто разыгрывают представление.

— Откуда вы это знаете? — спросила Неттари, не впечатлившись.

— Как вы можете не знать? — огрызнулся я.

Неттари напряглась, и я тут же почувствовал себя виноватым.

— Простите, — сказал я.

Через мгновение напряжение между нами рассеялось. Я сел в кресло напротив нее и прижал руки к вискам. — Вы работаете с неполной информацией.

— Тогда, во что бы то ни стало, проинформируйте меня.

Мда, не стоит злить своих поверенных, это никогда не заканчивается хорошо.

Я глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. — Во-первых, они подают сигналы в вашем слепом пятне. Это та часть, которую вы упускаете.

— Это... серьезное обвинение, — медленно произнесла Неттари, — вы уверены?

— Да, всё ясно как день. Я сначала подумал, что это нервный тик. Два касания для продолжения, три касания для остановки. Они почти насмеются над нами, насколько это элементарно. Ну хоть бы магию использовали, засранцы.

— Комната экранирована.

А, ну, это имело гораздо больше смысла. Но все равно это было оскорбительно.

— Вы утверждаете, что они оба это делают? — спросила Неттари.

— Нет, это только в одном порядке, от Эфиры к Гемону. Все остальное — подтекст, но без сигналов можно воспринимать это просто как оскорбления. Ралакос называет меня дипломатом, они называют меня принцем — с каждой итерацией все больше подчеркивая, кто мой отец. То, как Эфира переиначивает высказывания Гемона в более соответствующие формулировки, как будто именно это он хотел сказать в первую очередь. Сам по себе факт, что Гемон ведет себя как откровенный идиот — разве идиот может дослужиться до должности председателя совета. Гемон пытается заставить меня потерять самообладание, ему не нужно беспокоиться о возможности выставить себя идиотом в процессе, потому что, в конце концов, никого не нужно будет переубеждать.

Неттари размышляла над этим почти целую минуту.

— Сколько вам лет?

— Достаточно для судебного разбирательства, очевидно, — пробормотал я.

— Моя дочь доверяет вам, — сказал Неттари, — гораздо больше, чем вы думаете. И хотя она досадно импульсивна, но не наивна. Если вы уверены, я могу добиться отмены слушания, что даст нам неделю или около того на выработку стратегии. Вам не придется возвращаться в камеру.

Я откинулся в кресле, удерживаемом двумя ножками. — Нет. Это даст им время придумать лучший план, а все наши карты уже на столе.

— Я тоже так думала, но если голос Эфиры потерян, то мы в тупике.

— Они жульничают. Значит, и мы будем жульничать. — Я сцепил руки вместе, погрузившись в размышления, зацепившись ногой за стол, чтобы не упасть. Затем что-то щелкнуло. Я щелкнул

пальцами. — Она — ваш торговый представитель, верно?

— Да.

— У нее фиксированная зарплата или в процентах? — Я не знал достаточно об их правительстве и системе.

— Это не публичная информация, но если вы спрашиваете, богата ли она, то она богата.

— Если они хотят, чтобы я был принцем, я им стану. Мне нужна проблема, которую я смогу решить для нее.

Впервые Неттари улыбнулась. — У меня есть как раз то, что нужно.

Мы снова вошли в зал, и хор шепчущих голосов тут же умолк. Гемон и Эфира разговаривали на повышенных тонах, в то время как Ралакос, наблюдая за происходящим со стороны, недовольно бурчал. Значит, он тоже заметил это. Ралакос громко прочистил горло.

— Нам продолжать, поверенная?

— Продолжаем, — Неттари нахмурилась, наблюдая, как Эфира и Гемон поспешно возвращаются на свои места. Она начала говорить, как только они сели. — Очевидно, что Кэрн — жертва в этом деле. Он прибыл в анклав без каких-либо других намерений, кроме как восстановить пространственные врата, и вместо того, чтобы его восхваляли и поддерживали, он подвергся насилию и был заключен в тюрьму.

— Кроме того он чуть не умер, вы это имеете в виду, — сухо сказал Гемон.

Тап-тап-тап.

Как хорошо. Мы с Эфирой нашли, с чем согласиться.

— Травма, с которой человеческие учреждения справились бы достаточно легко, хотя и не так тщательно, как наши, — сказала Неттари. — Предложение простое. Он первый человек, который обратился к нам с демонстрацией мира. Разрешить Кэрну войти в Святилище, чтобы он мог пройти обучение у того, кто знаком с данталионом. Возможно, для вас, мастер Гемон, это покажется слишком высокой ценой, ведь в отличие от многих из нас, у вас нет семьи на другой стороне. Это было бы началом компенсацией для обеих сторон.

Эфира драматически вздохнула. — Люди никому не помогает. Все сводится к тому, поверенная, что сейчас неподходящее время. Позвольте напомнить всем вам, что у нас все еще продолжается восстание демонов. Легион Асмодиала до сих пор не усмирён, и поэтому

вероятность других восстаний и междоусобиц гораздо выше, а значит, в самом святилище гораздо опаснее, чем обычно.

— И где он вообще может остановиться? — сказал Гемон. — В анклав нет ни одного постоянного двора, где он мог бы разместиться.

Глаза Неттари загорелись от оскорбления. — Моя дочь вызвала обряд Шалиата. Моя семья — его семья. Его преступления — мои преступления. Его изгнание, мое изгнание. Он останется со мной.

В этом заявлении было столько веса, что оно было ошеломляющим. По моей спине потекли бисеринки пота. Я был потрясен Неттари. За один миг она доверилась Майе больше, чем мой отец доверялся мне за всю мою жизнь.

Время пришло. Взяв себя в руки, я посмотрел на Неттари, задавая безмолвный вопрос. Она кивнула, и я шагнул вперед, сохраняя молчание.

Эфира не обратилась ко мне.

Наконец, бросив на нее раздраженный взгляд, Ралакос заговорил. — Вы можете говорить, Кэрн.

Я закрыл глаза. Все зависело от этого единственного и неповторимого момента.

Затем я произнес.

— Это единственное, в чем я согласен с моим отцом, мастер Эфира.

Среди младших членов совета поднялся сердитый ропот. Эфира подняла на меня глаза, но я не моргнул.

— Никогда не бывает подходящего времени, чтобы просить о мире. И если король Гил воспринимает это как повод для притеснений и опосредованных войн, то я воспринимаю это как вызов. — Я ударил себя кулаком в грудь, сделав паузу, чтобы дать словам осесть. — Никогда не будет подходящего времени, чтобы сделать шаги к миру, потому что всегда найдется оправдание, чтобы отложить его. Восстание в один день, территориальный спор в другой, торговый спор после этого, и так далее, и так далее, пока круговорот насилия не утихнет, и мы все не сгорим дотла.

— Вы... — начала Эфира, но она прервала меня, и я беспрепятственно обрушился на нее.

— Я сын врага, да. Врага, который смертельно поранил столько из вас. — Я обвел взглядом комнату, всматриваясь в их лица. Они молча изучали меня, на их лицах мелькали эмоции. Гнев,

потеря, печаль и, возможно, даже надежда. — Вы все потеряли бабушек и дедушек, братьев и сестер, отцов и матерей. Друзей и родных. Я не могу вернуть их всех. Я бы хотел. Но я могу вернуть некоторых из них. В моей руке ключ к возвращению немногих павших. Дар, отданный безвозмездно.

На мгновение я раскрыл ладонь, затем сжал ее в кулак и провел им по полу, опустив голову вниз.

— Но я понимаю страх. Страх надежды. Этот подкрадывающийся ужас, проклятая дрожь, абсолютный страх, приходящий, когда позволяешь себе поверить, хотя бы на мгновение, что все может быть лучше, будет лучше. Потому что в тот момент, когда ты веришь, ты открываешь себя для возможности боли и предательства.

Я вспомнил Серу, погружающую нож в мою грудь. Чувствовал пламя, когда Аннет сгорала в моих руках.

— Вместо того, чтобы открыться перед возможностью будущего союза, перед возможностью пострадать, вместо этого вы рационализировали: «Это просто слова, всё сказанное, просто красивые слова, за которыми ничего нет — и вы были бы правы». — Я улыбнулся. — Если бы я не был готов претворить эти слова в жизнь. Святилище — это ценный ресурс, доступ к которому не должен быть свободным для посторонних. В таком случае, не предлагайте его свободно. Я не прошу особого отношения. Позвольте мне заслужить свое место, как это сделали многие из ваших детей. Я не возьму никаких трофеев — те, что я найду, будут отданы моим замечательным гостеприимным хозяевам. Если они должны разделить ответственность за мои проступки, будет правильно, если они разделят мою славу. Позвольте мне работать с вашими аптекарями, чтобы поделиться знаниями, которые многие люди так плохо хранили.

Я повернулся к Эфире, сосредоточившись только на ней.

— Позвольте мне расчистить путь на запад, чтобы вы могли снова наладить торговлю с гномами Вал Турима.

Глаза Эфиры стали темными и жадными. Гемон бросил взгляд между нами, внезапно придя в ярость.

Я остановился, пока мои слова не перестали разноситься эхом по залу, затем заговорил гораздо более тихим голосом.

— Воспользуйтесь шансом. Позвольте мне вернуть то, что было украдено.

И затем, глядя на Эфиру, я медленно потянулся к своему плечу.

Тап-тап.

<http://tl.rulate.ru/book/77890/2437081>